

Гнилые плоды Карабаха

Анатолий УРАЛОВ,
историк, социолог (Москва)

Русский, родившийся в Баку, окончивший исторический факультет Азербайджанского государственного университета, я не понаслышке знаком и с ситуацией вокруг неразрешенного конфликта в Нагорном Карабахе и окутавшими его мифами, а также и с тем, что за ними стоит. Анализируя события того трагического времени, я еще раз убеждаюсь в том, что **этот конфликт был бикфордовым шнуром, с помощью которого взорвано государство под названием Советский Союз.** Достаточно было небольшой череды событий в Карабахе, чтобы армяно-азербайджанский конфликт, тлевший длительное время и вспыхнувший в начале 1988 года, стал первым звеном в лавине этно-территориальных споров, которая в конечном счете смела СССР с карты мира. И когда в 1988 году конфликт разразился, это стало неожиданностью далеко не для всех.

В 1987 году из латентно тлеющего движения карабахских армян постепенно разгоралось пламя этнического конфликта. «Под руководством эмиссаров из Армении создавались организационные основы сепаратистского движения, легализовавшегося позднее в НКАО под названием «Крунк», - отмечает Афранд Дашдамиров (1, с. 193). Активисты «Комитета освобождения Нагорного Карабаха» объезжали предприятия, города и села автономной области, собирая подписи для «референдума» о воссоединении с Арменией. В переводе с армянского «Крунк» переводился вроде бы как «журавль», но нами это слово обыгрывалось как аббревиатура, означающая «Комитет революционного управления Нагорным Карабахом». Руководителем «идеологической секции» «Крунка» стал Роберт Кочарян, возглавлявший в то время партийную организацию степанакертского шелкопрядильного комбината. **«Крунк» был первой в Советском Союзе эпохи Горбачева организа-**

Азербайджанцы из Кафанского района Армении прибывают в Азербайджан

цией, которая начала использовать митинги и стачки в качестве политического оружия. К лету сбор подписей был завершен, и объемистая петиция (более 75 тысяч подписей из Армении и Карабаха) была отправлена в Москву, в ЦК КПСС.

Активно муссировался карабахский вопрос за границей. Сын старого партийного функционера Анастаса Микояна, историк Сергей Микоян, и собственный корреспондент «Литературной газеты» Зорий Балаян проводили в США соответствующие конференции. В ноябре **экономический советник Горбачева академик Абел Аганбегян, сказал, находясь в Париже: «Я был бы рад, если бы Нагорный Карабах вернули Армении. Как экономист я считаю, что у них куда более тесные связи с Арменией, нежели с Азербайджаном».** Взгляды Аганбегяна были изложены в газете французских коммунистов «Юманите», распространявшейся и в Советском Союзе. Так население Азербайджана узнало о вновь реанимируемой идее отторжения Нагорного Карабаха и о развернувшейся армянской кампании.

А вскоре разразились эксцессы в Мегрийском и Кафанском районах Армянской ССР, где компактно проживавшие азербайджанцы из-за межэтнических столкновений, сопровождавшихся угрозами, насилием и издевательствами, были вынуждены бросить свои дома и все нажитое и бежать через заснеженные горные перевалы в Азербайджан. **Бакинцы помнят, как в ноябре 1987 года на железнодорожный вокзал Баку прибыли два товарных вагона с кафанскими азербайджанцами. Это были раздетые, оборванные люди - дети, мужчины, старики.** Многие из беженцев нашли приют у своих бакинских родственников. О жертвах не сообщалось, но у многих беженцев были следы от побоев.

В феврале 1988 года, **«число азербайджанцев, вынужденных покинуть Армению в результате нагнетания атмосферы страха и насильственных действий, перевалило за 4 тысячи человек»** (1, с. 194). 13 февраля, то есть еще за неделю до решения областного Совета, сотни карабахских армян вышли на площадь перед обкомом на несанкционированный политический митинг, требуя воссоединения Нагорного Карабаха с Арменией.

20 февраля 1988 года Совет народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана постановил: *«Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР»* (2, с. 40). Исследователи считают, что сессия была «продумана до мелочей и проведена с высокой степенью организованности» (2, с. 40-41). Стало очевидно, что **первая фаза армянской кампании была заранее тщательно спланирована. Это был «сложный, глубоко националистический процесс, хорошо организованный, финансово и идеологически обеспеченный, ставивший своей целью чисто сепаратистские цели – отторжение значительной части Азербайджана»** (2, с. 43).

Кремлевское руководство было обеспокоено масштабом кризиса в Армении и Азербайджане,

Эту азербайджанку, изгнанную из Армении, били отверткой. Она всего лишь хотела жить там, где жили ее предки

но серьезность обстановки недооценило. **«Допустив проведение внеочередной сессии, формально законной, но с учетом неучастия в ее работе представителей азербайджанской общины, по крайней мере, не корректной с точки зрения легитимности, Центр изначально поставил себя в положение ответчика, вынужденного плестись в хвосте событий»** (2, с. 41). В те февральские дни 1988 года Политбюро объявило лидерам азербайджанской компартии, что они должны действовать исключительно «партийными методами» — убеждением, а не силой, чтобы погасить конфликт. «В Азербайджане призыв к народам двух республик не поддаваться на провокации «националистических элементов» в ситуации, когда в Армении маховик националистических эмоций раскручивался вовсю, а в Азербайджане люди еще только пытались разобраться в том, что происходит, вызвал недоумение» (1, с. 196).

Для Москвы митинги и стачки в Степанакерте стали не то чтобы полнейшей неожиданностью, но весьма неприятным фактом. Это видно из стенограмм заседаний Политбюро от 29 февраля и 2 марта 1988 года. Выступая на заседании 29

Эти азербайджанцы, изгнанные из Армении, не получали жилья, работы, еды – Москва делала вид, что их просто нет

февраля, Горбачев заявил, что выдвинутые армянами требования неприемлемы.

Но идея возможности объединения с Арменией в условиях смягчения советского режима уже захватила почти всех армян Карабаха. **Новые лидеры комитета “Карабах” принадлежали к поколению, важным фактором формирования взглядов которого стали националистические демонстрации 1965-1967 годов, после которых в Ереване был открыт мемориал с вечным огнем в память о жертвах геноцида 1915 года**, а день 24 апреля был объявлен в Армении «Днем геноцида». Они явились носителями идеи “армянского суда” – “Аи дата” – давней мечты о сплочении живущих в разных странах всех армян.

Но в Нагорном Карабахе жили не только армяне. Примерно четверть населения — около сорока тысяч человек составляли азербайджанцы, теснейшим образом связанные с Азербайджаном. Жили там также русские, украинцы, лезгины, евреи.

Стихийная на первый взгляд, но хорошо организованная при попустительстве цен-

тральной власти «анархия» застигла руководство Азербайджана врасплох и выявила его слабости, о которых все знали, но на которые закрывали глаза. **«Приходиться констатировать, что руководство Азербайджана не проявило на этом этапе ни государственной озабоченности положением в области, ни политической зрелости, ни дальновидности. Оно оказалось не готовым к самостоятельным, достойным патриотическим решениям. Азербайджанское руководство столкнулось с проблемой, от которой оно не могло просто отвернуться, всецело положившись на Москву»** (2, с. 49).

Во второй половине февраля в Баку, Сумгайите и других городах Азербайджана стали стихийно организовываться акции протеста. На улицах появились группы школьников и студентов с красными и зелеными повязками с золотистой надписью «Карабах». В Баку учащая молодежь, рабочие, представители азербайджанской интеллигенции прошли маршем к Верховному совету с лозунгами, напоминавшими властям, что Нагорный Карабах – земля их предков, и она принадлежит Азербайджану. Поэт Бахтияр Вахабзаде и преподаватель истории Азербайджана, доктор исторических наук Сулейман Алияров опубликовали в газете “Азербайджан” “Открытое письмо”, в котором указывалось, что Нагорный Карабах исторически является азербайджанской территорией и что **“азербайджанский народ в новую эпоху обострения международной конкуренции оказался в числе первых жертв”**.

Значительно усилилась этническая напряженность в Нагорном Карабахе. Резко стали рваться экономические, производственные, хозяйственные связи с Азербайджаном. Областная администрация бойкотировала работу с республиканскими партийными, советскими и хозяйственными организациями. Как и в Армении, началось изгнание азербайджанского населения из райцентров НКАО и непосредственно из Степанакерта, увольнялись в массовом порядке работники промышленных предприятий азербайджанской национальности. «Происходил массовый разрыв армяно-азербайджанских межнациональных связей и отношений, складывавшихся и развивавшихся десятилетиями. По существу, это было прологом развала СССР!» (1, с. 205).

В один из мартовских дней 1989 года, к вечеру ко мне домой позвонили с просьбой срочно прибыть в Дом политпросвещения. В тот год в Баку март выдался относительно холодным, а в этот день шел мокрый снег. Но делать было нечего – партийная дисциплина обязывала откликнуться на призыв партии в это нелегкое время. Приглашенных было немного, около пятьдесят человек. Несколько удивил состав: половина военные, половина – штатские. Некоторые оказались знакомы по Сумгайыту, других встречал на партийных мероприятиях. Лица сидевших в президиуме были растеряны и хмуры. Что-то мрачно чертил или писал на бумаге Афранд Дашдамиров, заведующий отделом ЦК по агитации и пропаганде. Сидевшие рядом молча наблюдали за тем, как наполняется зал.

Когда все собрались, слово взял второй секретарь ЦК, фамилия, если только не ошибаюсь, Коновалов. Он растерянно и даже жалостливо рассказал о том, что **обстановка в Карабахе настолько накалилась, что его, второго секретаря ЦК, русского, армяне, пикетирующие дорогу из Агдама в Степанакерт, не пропустили в город**. К тому же в «Правде» должна была выйти статья «Эмоции и разум», написанная тремя журналистами главного партийного органа от РСФСР, Азербайджана и Армении с целью донести до сознания противостоящих народов мысль о недопустимости кровавого решения карабахской проблемы – хотя кровь была уже пролита обеими сторонами. Центр, как всегда, запаздывал. Но ЦК компартии Азербайджана должен был отреагировать.

Из Армении в Степанакерт стали привозить стройматериалы. Как выяснилось, под ними было спрятано оружие, включая даже реактивные снаряды и ракеты «Алазань-2»

И поэтому было решено послать представительную делегацию в Степанакерт, чтобы не столько разъяснить, сколько прояснить обстановку, выяснив, что же на самом деле происходит в Карабахе.

В конце концов, выяснилось, для чего нас собрали. Именно нам, приглашенным в ЦК, и предстояло отправиться в Степанакерт. Билеты на ночной поезд были уже приобретены, и нас поставили перед фактом. До отправления поезда оставалось немного времени, так что домой я уже не успевал. Сумел только позвонить жене, чтобы объяснить, куда меня направляет партия и попросить привезти на вокзал теплые вещи и обувь. Жена успела приехать к отходу поезда, с узелком, вся в слезах. Увидев множество солидного вида людей, да еще в погонах, она несколько успокоилась, но звонить просила ежедневно. За ночь, пока шел поезд, мы перезнакомились и уже более конкретно знали, что каждый из нас будет делать. Оказалось, что нашу делегацию возглавлял всего лишь инструктор отдела культуры ЦК партии. Становилось все более очевидным, что из этой затеи мало чего получится путного.

До Степанакерта добрались благополучно. Нас поселили в гостинице, находящейся рядом с административными зданиями областного центра. Комнаты выделялись с трудом, так как на всех этажах номера были заняты армянами из Сумгайыта и других городов Азербайджана. Но, поскольку среди нас азербайджанцев не было, разместились без эксцессов.

Собравшись всей группой, мы были должны пройти в обком, чтобы представиться первому секретарю обкома партии Генриху Погосяну. Но оказалось, что сделать это не так просто. Выйдя из здания, мы были вынуждены остановиться, поскольку на просторной центральной площади имени Ленина, где не раз проходили демонстрации жителей Степанакерта, стояло несколько тысяч человек. Видимо, они были предупреждены о нашем приезде, но, видя, что среди нас нет азербайджанцев, позволили нам пройти в обком. Хотя на всем пути следования нам как бакинцам непрерывно напоминали о погромах в Сумгайыте.

Войдя в здание обкома, мы подошли к ожидавшему нас руководителю, который заявил, что мы приехали неожиданно, и что первый секретарь обкома партии Погосян нас принять не может, так как недавно назначен и еще не

В условиях бездействия и равнодушия Центра на предприятиях Азербайджана стали создаваться пункты помощи беженцам из Армении

разобрался в обстановке. Стало ясно, что с нами он разговаривать не будет. Но, сказали нам, раз мы здесь, то на время командировки нам будут обеспечены трехразовое питание, свобода передвижения по городу и невмешательство в наши дела. При этом бросалось в глаза, что говоривший все это молодой человек крайне растерян и явно не знает, как быть дальше. Во всяком случае, при каждой нештатной ситуации, а они, как видно, возникли сразу, бросался искать телефон и начинал звонить в Баку, видимо, получая оттуда инструкции, как нам себя вести и что делать. Создавалось впечатление, что **приезд комиссии был организован спонтанно, у нее нет никаких полномочий и права что-либо предпринимать**. Мы могли лишь информировать ЦК компартии Азербайджана о том, что происходит в Степанакерте, какова общественно-политическая ситуация, насколько велик накал страстей, каковы лозунги, как ведут себя здешние коммунисты.

Помню, что первые дни мы ходили по кабинетам обкома, исполкома, заглядывали в горком и редакции областных газет, благо все было рядом. Вечерами после ужина вся группа собиралась в расположенном рядом Доме политпросвещения обсудить прошедший день, собраться с мыслями, разработать примерный план на следующий день. Каждый рассказывал о виденном, давал анализ услышанному. Создавалось впечатление, что мы - участники очередной пиар-кампании. Ситуация складывалась проблематичная. В конце концов, Погосян открытым текстом зая-

вил, что обком ситуацией не владеет, справиться с обстановкой своими силами не может, а, как выяснилось в дальнейшем, – и не хочет.

В первый же день, придя в гостиницу, мы увидели, что **на прикроватных тумбочках у каждого лежит стопка книг и брошюр. Все они были посвящены истории создания Нагорного Карабаха, его прошлому и настоящему, объяснению того, как Карабах оказался в составе Азербайджана и как в нынешнее время необходимо сделать все возможное, чтобы он вошел в состав Армении**. Как видно, литература печаталась впрок и раздавалась в огромном количестве всем желающим. Кстати, книги о Карабахе, истории Армении, в том числе и о «великой», я не раз встречал на прилавках книжных магазинов во время своих командировок в районы Азербайджана. И, должен сказать, у меня вызывало интерес, каким образом они доставлялись в книжные магазины Шамахи, Агдама, Шеки и других азербайджанских провинциальных городов. Ведь тогда издание подобной литературы не приветствовалось, но, как видно, кто-то ее распространял, и она появлялась на прилавках.

Должен заметить, что в первые дни мы не чувствовали особой враждебности. Тем более, что **группа состояла почти целиком из русских, было также несколько бакинских армян**. К нам проявляли всяческое внимание и предупредительность, угощали чаем, к месту и не к месту заговаривая, что все бы ничего, но как было бы хорошо, если бы Карабах находился в составе Армении. Раздавали многочисленные брошюры, книги и газетные материалы, посвященные истории и проблемам Нагорного Карабаха. Но как только разговор заходил об участии азербайджанцев на территории соседней республики и будущего тех азербайджанцев, которые были изгнаны из Армении, наши собеседники теряли всю свою словоохотливость и замыкались.

На третий или четвертый день мой сосед по гостиничному номеру, директор бакинской школы встретил своего хорошего знакомого - директора одной из степанакертских школ, и вечером мы пошли в гости. Хозяева рассказали нам о том, как **постепенно нагнеталась обстановка в городе, просили передать по приезду в Баку, что нельзя затягивать с решением все более разгоравшегося конфликта. Видимо, у части степанакертской интеллигенции еще**

сохранялось стремление наладить отношения с Баку и сотрудничать с Москвой в деле погашения экстремистских настроений, в то время как националисты уже вырабатывали более конфронтационную тактику.

Нам организовывали экскурсии по городу. Помню, нас привезли в городской парк, где подвели к стелам, установленным в память об армяно-турецкой резне. Потом нас попросили посмотреть новую стелу, установленную, как нам заявили, в связи с сумгайтскими погромами: «Чтобы наши дети, внуки и правнуки помнили об этом». Странно было смотреть на этот памятник. После событий в Сумгайте прошло всего две недели, а у нас создавалось впечатление, что камень для стелы был заготовлен заранее.

Тем временем Москва молчала. Все обитатели гостиницы каждый вечер ждали новых сообщений, жадно ловили слова московских, азербайджанских и армянских дикторов. Обстановка в обеих республиках становилась все более напряженной, скатываясь к хаосу. Только центральные каналы продолжали разглагольствовать о том, «как хорошо в стране советской жить», и это начинало вызывать раздражение.

Со временем выяснилось, что, принимая решение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана, Москва старалась умиротворить и Армению, и Азербайджан, обещая провести в автономной области преобразования в сфере политики, экономики и культуры. Однако **эти потуги и принятые по этому поводу решения не производили никакого эффекта у конфликтующих сторон, которые начисто утратили остатки доверия к Центру**. Зачитываемое

командированными в обе республики членами Политбюро «Обращение к трудящимся, к народам Армении и Азербайджана», где звучал призыв уважать советскую дружбу народов, для значительной массы населения уже не был сдерживающим фактором и воспринимался как демагогия Центра. Партийная верхушка видела, что напряженность медленно перерастет в конфликт, но не могла, или не хотела этому противостоять. «ЦК КПСС как бы самоустранялся, предлагая республикам самим «нормализовать обстановку вокруг Нагорного Карабаха», связывая это прежде всего с необходимостью выработки и осуществлению мер по дальнейшему социально-экономическому и культурному развитию области» (2, с. 57). ■

Литература

1. «Вестник аналитики», №№2-4, 2005; №2-4, 2007.
2. Расим Агаев, Зардушт Али-заде. Азербайджан: конец второй республики (1988-1993). М., 2006.

Продолжение следует

The memoirs of the Baku-born Russian, former employee of supreme party bodies of the Azerbaijan Soviet Socialist Republic now living in Russia, describes the early events in and around Nagorno-Karabakh in 1988. The author speaks about his trip, together with a delegation of the Communist Party of Azerbaijan consisting of Russian and Armenians, to Stepanakert (now Khankandi), the situation in the city and the autonomous region in the aftermath of the activity of separatists with the tacit approval of the Kremlin.

Митинг в Баку. Люди еще надеются, что Центр решит проблему